

Виталий Гурин
ФОРМАТ С

18+

Виталий Гурин

Формат С

«Эдитус»

2020

Гурин В. А.

Формат С / В. А. Гурин — «Эдитус», 2020

ISBN 978-5-00149-492-8

Мир меняется на глазах: процессы, занимавшие ранее десятки лет, осуществлены за месяцы. События апокалиптического масштаба, возможные до этого только на страницах писателей-утопистов, скребут в наши собственные двери. То, что казалось невозможным всего год назад, происходит в реальности: пандемии, тотальный контроль населения, электронные системы верификации, карантинные меры и многие другие атрибуты современной жизни. С этой точки зрения, автором осуществлена робкая попытка посмотреть на будущее с надеждой. Да, мы движемся по черному, мрачному тоннелю, наполненному ужасами и собственными страхами, однако впереди мерцает тусклый свет. И мы обязательно до него дотронемся. Содержит нецензурную брань

ISBN 978-5-00149-492-8

© Гурин В. А., 2020

© Эдитус, 2020

Содержание

Пролог	5
1. 5 REM	11
2. Confirm («Запуск»)	14
3. 1 °CLS	19
4. WHILE	24
5. READ (A, B, C)	27
6. Continue	30
7. Execute	33
Конец ознакомительного фрагмента.	36

Виталий Гурин

Формат С

Пролог

Ничего сложного: берешь рохлю, подкатываешь к поддону, нажимаешь рычаг, закатываешь под поддон, активируешь рычаг.

Вуаля – поддон на рохле. Затем перемещаешь это «транспортное средство» в цех холодного хранения, к стеллажам с курицей: головы, ноги, крылья, субпродукты, грудка – тонны упакованной в коробки курицы. Надо надеть ватник, иначе – простатит. В цеху температура – минус десять. Всегда.

Выкладываешь на поддон первый ряд – влезает четыре коробки, килограммов по десять каждая.

Затем берешь решетку – обычная деревянная решетка, которую мужики делают за сараем дезинфекции: четыре жерди, скрепленные гвоздями для прочности.

Так вот, кладешь решетку на первый ряд курицы. Поверх решетки – второй ряд курицы. Затем опять решетку – и повторяешь, пока не уложишь четыре ряда куриных коробок.

Потом пулей выскакиваешь из цеха, не забывая закрыть дверь, и тащишь рохлю к погрузке. Там уже вручаешь все это богатство экспедиторам, которые грузят мясо мертвых кур в машины и развозят по городским магазинам.

Возвращаешься в цех и повторяешь процедуру.

Ничего сложного. Работа два через два. По двенадцать часов. Постоянно крутишься туда-сюда. Жаль, что бросил курить: мужики хоть пять или десять минут имеют с перекуров. Тем, кто здоровый образ жизни ведет, – болт. Ну, мне то есть.

Меня даже подкалывают, мол: «Эй, Пират (это кличку мне такую дали), курить пойдешь?». И ржут.

Так-то они не со зла, конечно. Да и стараются по-доброму ко мне относиться в силу специфики своего понимания межличностных отношений.

Над инвалидами все-таки грешно смеяться. Я-то в ответ улыбаюсь и отшучиваюсь тоже, но очевидно, что между нами некая незримая стена – как ни крути, мы люди из разных миров: я ангел, павший в ад, а они обитают здесь постоянно. А может, эти мысли – всего лишь остатки былой гордости, которую со скоростью света сдувает суровая реальность, словно налет пыли.

Пиратом меня называют, потому что левый глаз мой полностью ослеп. Правый же имеет -12 диоптрий.

Поэтому и работаю здесь: самое простое собеседование в жизни. Это вам не на Тверской, в Бизнес-центре, пройти десяток кадровых менеджеров... Это Онская Птицефабрика, бл*.

Ну и еще, конечно, можно спрятать свой недуг. Мало кто готов такого инвалида, как я, взять на работу: мало ли что, вдруг потом проблемы будут? Люди боязливые у нас.

Ну хоть так. На хлеб с маслом хватает, и ладно.

Проблемы с глазами были у меня давно, еще с детства. Я уже привык. Тридцать лет все было более-менее честно: носил линзы или очки.

Последние два года стало тяжеловато – начал замечать нарушения: то волны бесконечные вокруг, то искажения света, то фокусировка пропадает и глаза постоянно слезятся.

В больницу обратился, а там вилы: или приходите с 8 до 15 часов, или платная клиника.

Первый случай, конечно, был невозможен: или ты в столице зарабатываешь деньги, или тратишь их на лечение. Естественно, в рабочие дни я нарасхват – в больницу пойти некогда.

Платные же медицинские услуги граничили с шарлатанством: тяжело доверять врачу, который читает тебе твои анализы по бумажке, когда ты и сам читать умеешь.

«Вылечили» в итоге – левый глаз полностью ослеп.

Работа глазами стала резко противопоказана.

Из перспективной юридической фирмы сразу пришлось уйти. Никаких трагедий, ссюсюканий и прочей драмы: не вышел пару раз на работу – пошел вон.

Устраивался на менее оплачиваемую – но глаза болят за компьютером очень сильно, а без работы за компьютером какой же ты юрист?

Наложились и семейные проблемы: жена охладела ко мне уже давно, но это обстоятельство компенсировалось бесконечными поездками по заграницам, дорогими телефонами, машинами и прочими атрибутами нормальной жизни.

Когда прежний заработок стал невозможен, супруга, вильнув хвостом, прыгнула в первый попавшийся «Бентли». Благо, за собой она следила и ее задница с грудью все еще могла внушить неподдельный интерес всякого рода лицам.

Конечно, первые полгода она пыталась играть в порядочную женщину, на чьи хрупкие плечи свалилась тяжкая доля. Однако энтузиазм в ее глазах быстро угас, а перспектива потерянной жизни перечеркнула какие-либо воспоминания о былых чувствах, если они вообще были.

На самом деле, без сарказма, я не винил ее. Не каждый человек может смириться с тем, что молодая красивая жизнь закончилась и остаток своих дней придется провести в нищете с полуслепым мужем.

Я даже воспринял это как-то спокойно, ни о чем не жалея. Можно даже сказать, я воспринял это с облегчением: беги, убегай, мой Лисеночек, и вспоминай с теплотой наши прожитые годы.

Сбережения мы поделили. На свою часть я купил себе небольшую долю в квартирке на окраине столицы. По документам, конечно. По факту это была самодельная студия. Ну, модно так сейчас делать: берешь двушку, делаешь в каждой комнате туалет – вуаля – трехкомнатная студия (кухню тоже делают комнатой).

Понятно, что никто такую перепланировку не согласует, да и потом могут быть проблемы, но я не парился, потому что слишком устал париться.

Главное, что комнатка была на одиннадцатом этаже.

Часто просыпаясь в холодном поту ночью, когда мой живой глаз еще не мог приспособиться к темноте. Лежал какое-то время, объятый ужасом: вот и все, этот момент наступил – второй глаз ослеп. Ничего не оставалось, как встать с кровати, подойти к окну, нащупать пластиковую ручку и...

Но потом, как и положено, зрение возвращалось: сквозь мрак я мог уже видеть очертания предметов домашнего обихода – и паника отступала.

За несколько месяцев работы на птицефабрике я даже полюбил эту деятельность. Если бы за нее платили хотя бы половину от того, что я получал в самые бедные месяцы работы юристом, то можно было бы задуматься о переквалификации гораздо раньше.

Понятное дело, что сейчас-то выбора у меня совсем не было.

Рохля – поддон – коробки с курицей – решетка – коробки с курицей – решетка... Уророборос.

Поражало меня, все-таки, умение предков точно и правильно охарактеризовать картину происходящего: будь то уророборос или «Экклезиаст».

Все суета сует.

Ровно в семь часов вечера я собирался домой и шел в раздевалку. Проходя мимо цехов разных технологий приготовления курицы, я не мог не поразиться, насколько убого выглядели

фабричные постройки. При этом я не мог назвать их функциональными: все какое-то серое, с потрескавшимися стенами.

Минут десять я проводил в раздевалке. Душ принимать смысла не было: запах мертвой курицы впитывался в тебя моментально и попытки смыть его ни к чему не приводили. Я это потом уже понял, спустя пару недель работы.

Раздевалка примыкала к тамбуру личного досмотра. Здесь уже проходили караулили ЧОПовцы с собаками. Ворчливые и суровые мужики, получавшие копейки за свою работу, готовы были при любом случае показать свою власть «маленьким» рабочим и вытягивались в струнку при виде знатного начальника-боярина.

Смешно, конечно, было все это наблюдать.

Сейчас на проходной образовалась очередь. Из досмотровой зоны доносились лай собак и крики какого-то несчастного.

Подойдя ближе, я увидел, что случилось: обычный работяга стягивал с себя свитер, а под ним, словно пулеметные ленты матросов под Петроградом, крест-накрест, красовались, наверное, килограмма два куриных сосисок.

У кого-то будут неприятности.

Люди часто тащили что-то с фабрики: кто-то тушку, кто-то шашлык. Зарплата была маленькая, и, как ни крути, надо было вертеться. Хотя, сказать по секрету, даже если бы она была большая – все равно тащили бы.

Тут уж опять двадцать пять: руководство воровало вагонами, а работяги – подложками шашлыка.

Интересно, что слово «воровство» было у всех на слуху. Однако оно не встречается в виде юридического термина: ни в уголовном кодексе, ни еще где-то.

Может быть, в этом заключалась такая повальная тяга нашего народа к воровству как таковому? Если в понимании граждан это деяние не было наказуемо, так как отсутствовало, в принципе, в уголовном законе?

Подобные мысли еще иногда проскакивали в моей голове: все-таки юриспруденцией я занимался достаточно давно – больше десяти лет. Профдеформация имела место быть, безусловно.

Несмотря на это, физический труд с утра до ночи выгонял из меня всякую интеллигентную дурь: я начал ловить себя на косноязычии и чаще стал разговаривать матом.

Там, где разум не мог вспомнить красивое художественное слово, немедленно появлялись матерные слова-паразиты. Я читал в свое время, что это говорило об упадке интеллекта. Возможно, это правда.

Надеюсь, что я отупею быстрее, чем ослепну...

Хотя, валяющийся в своих испражнениях, слепой грузчик – картина отвратительная.

Мне нужны были остатки разума, чтобы в конце концов совершить финальный «полет Валькирии».

Мозги надо было беречь.

С такими мыслями я и направлялся к автобусу, который привезет меня прямо к дому. Впереди два дня выходных, и надо было придумать, чем заняться, так как сидеть и пялиться в компьютер или телефон я просто не мог, приходилось импровизировать.

По причине весьма ограниченной возможности использования моего единственного глаза, пользоваться компьютером как раньше я не мог – просто боялся осложнений.

Даже при недолгом пребывании перед экраном изображение начинало плыть: перед глазом появлялась сетка и многочисленные черные точки. Увеличивался риск кровоизлияния.

С телевизором было попроще, потому что мой телевизор, купленный еще в браке, имел диагональ пятьдесят дюймов, что позволяло наблюдать телепередачи на большом расстоянии и не так сильно напрягать глаза.

Более того, указанное устройство являло собой пик инженерной мысли: подключение к интернету и смарт-ТВ. Как же хорошо, что пару лет назад я не поспешил на такое полезное приобретение.

Времена были другие, да и я был другой. Сейчас бы не потянул: доходы не те.

Тем не менее полностью отдаться во власть телевидения я не мог. Пару-тройку часов в день – это максимум, что можно себе позволить: весьма скромно по современным меркам.

Поэтому большую часть своего свободного времени приходилось тратить на различные настольные игры: варгеймы с миниатюрами, ролевые игры, соревновательные турниры.

В столице существовало множество тематических клубов, куда можно было наведаться с утра и до самого вечера и, найдя случайную компанию на месте, расслабиться за метанием кубов и раскладыванием магических пасьянсов.

Со стороны могло показаться странным, когда взрослый мужчина играет в маленьких солдатиков, однако я и в здоровые свои годы относился к этим развлечениям положительно, а уж сейчас мне и подавно было плевать на чье-либо мнение.

Главное, это позволяло расслабиться и забыть о чертовски плохих перспективах.

Я часто ловил себя на мысли, что моя комната в высотке – это склеп. Я уже морально смирился с кончиной, просто тело пока подавало признаки жизни и продолжало удовлетворять какие-то низменные инстинкты: есть, пить, спать, трахаться.

С последним было сложнее, конечно. Особенно в последнее время.

Если смотреть на проблему шире, то проблемы как бы и нет: на территории страны огромное количество страждущих одиноких дам, готовых скрасить жизнь несчастного столичного инвалида по зрению. Выбирай любую.

С другой стороны, «качество материала» оставляло желать лучшего.

За прожитые годы я понял для себя четко и ясно: человек должен стремиться к лучшему. С этой точки зрения, я всегда буду всего лишь «трамплином» для охочих карьеристок. Жить с различного рода «колхозницами», готовыми на «рай в шалаше» с любимым, я тоже не хотел: человек должен развиваться. Вечно недовольная и запускающая себя жена рядом с еще технически живым супругом... Страшно представить в самых мрачных кошмарах.

Конечно, кто-то и не против, но что-то во мне еще шевелилось. Что-то глубоко скрытое за всем цинизмом и равнодушием к жизни.

Да и одному было прикольной, по-моему. По крайней мере пока.

Так как я работал по двенадцать часов два дня через два, то выходные часто выпадали на середину недели. Так даже было проще, а то эти праздношатающиеся граждане, кучкующиеся в многочисленных ТЦ столицы, сильно раздражали.

Не то чтобы я мог упрекнуть себя в человеконенавистничестве под маской угнетенного, больного представителя рабочего класса, но в моем положении действительно стал ловить себя на мысли, что находиться в компании этих людей не хотелось.

В теории все можно было объяснить моим состоянием, но, падая вниз по социальной лестнице, ничего объяснять не хотелось.

Интересно было только одно: когда я на все плюну и начну бухать как лошадь? Или зачатки интеллекта прорвут пелену мещанства и алмаз разума воссияет на солнце, освещая темноту неразумного бытия?

От всех этих мыслей захотелось спать. Да и грузить замороженную курицу весь день было выматывающим занятием.

Проснулся в холодном поту под утро. Рассвет забрезжил в окна.

На этот раз мне снился совершенно другой кошмар: на протяжении бесконечной ночи я перекидывал поддоны с решетками с одного места на другое посередине огромного склада-холодильника. Людей вокруг не было, а занятие сие очень сильно утомляло.

Я думал плюнуть на все и уйти, но, окинув взглядом помещение склада, с тревогой осознал, что в помещении отсутствуют окна и двери.

Так я и проснулся. Тревожный звоночек.

Вздохнув, я открыл единственный глаз: размытые и мигающие объекты вокруг были такими же, как и перед сном. Я потянулся рукой под кровать, нащупав толстые очки.

Пару лет назад я бы купил самые тонкие, в дорогой оправе. Сейчас же довольствовался тем, что есть. Все равно линзы были удобнее – их и старался одевать обычно, но очки были необходимы в домашних делах.

Умывшись и почистив зубы, решил потратить время, отведенное мне до обеда на поход в «Гикси» – сеть супермаркетов с дешевыми продуктами, где по разным акциям можно было закупить много приличной еды задешево.

Интересно все-таки, как могут поменяться взгляды человека, столкнувшегося с совершенно внезапными превратностями судьбы. Год назад я бы и есть ничего не стал в этом магазине, но этот год прошел.

Да и лишенный обычных человеческих радостей в плане бесполезного проведения времени за торчанием в интернете или компьютерных играх, я находил особое удовольствие в отыскивании в «Гикси» оптимального набора продуктов за минимальную цену.

Ширпотреб из соевого суррогата я в расчет не брал – только натуральные продукты: мясо, птица, рыба, консервы, колбаса и так далее.

Иногда было даже забавно: урвав что-нибудь по самой низкой цене, я шел домой с видом победителя.

Вообще, выглядел я странно до неприличия: все еще старался следить за собой, но нехватка средств, достаточных для поддержания планки на прежнем уровне, накладывала свои отпечатки: пальто на мне дорогое, но старые ботинки износились – купил неудобные, но дешевые, китайские. Аналогично и с джинсами.

Когда-нибудь я буду точно одет как надо. Я даже делал ставки для себя – отмерил год. Зачем? Непонятно: все равно бы проиграл рано или поздно.

* * *

Шло время. Энтузиазм, появившийся после падения на дно, начал постепенно угасать. Окружение тому способствовало в полной мере: коллеги по цеху – странные, безынициативные мужики-алкоголики, не имеющие никакой цели в жизни.

Смешно было то, что каждый пытался придать вес своим словам, подкрепив их какой-нибудь небылицей: так, Сережа воевал во Вьетнаме на стороне «гуков». Я даже не знал, сколько ему лет. Определить по внешнему виду не представлялось возможным: физическая работа и алкоголь могли состарить его моментально. Похоже было, что ему лет шестьдесят.

Он все время ругал власть.

Саша же, напротив, постоянно «топил» за президента и его команду. Этот жилистый, щетинистый маленький человек особо рьяно отстаивал их интересы в любом споре «под мухой».

А выпивали ребята часто. Обида была какая-то, конечно. Они же были все хорошие, хорошие люди, но какая-то нелегкая занесла их в это чистилище.

Назад дороги не было, наверное.

Для себя же я решил все четко давным-давно: есть два уровня этого мира. Первый представляет собой огромную, бесконечную непонятную вселенную, в которой человек даже не пыль. Даже не математическая погрешность. И годы, отведенные на его существование, составляют ничтожно короткое мгновение во вселенском масштабе.

Второй уровень проще – это та самая наша жизнь, которую мы видим перед глазами.

Как только я понимал, что на втором уровне я «приплыл» не к тому берегу, то сразу представлял «первый», понимая, что Вселенной на всех нас начхать, и как-то становилось легче от этой мысли. Все становилось таким бессмысленным, и сомнения с тревогами отпускали.

Я продолжал перекладывать поддоны и решетки.

1. 5 REM

Работать становилось тяжелее. Появилась апатия: меня не возбуждали разговоры о политике, о воровстве чиновников, о социальных проблемах.

Просто потому, что мой типичный быт превратился в тькву.

Несколько лет назад, когда я выходил из Арбитражного суда округа, выиграв очередное дело с корпорацией «Теплоэнерго», все выглядело иначе: цели, стремления, взгляды на жизнь. Все прошло.

Печально то, что, будучи песчинками в этой огромной Вселенной, наши тела были такими хрупкими и нежными. Они ломались от любого прикосновения жизни, и это было уже не исправить.

В очередной выходной, пришедшийся на холодный и зимний четверг, меня разбудил настойчивый звонок телефона.

Действительно, это было неожиданно. Я ожидал чего угодно: телефонных мошенников, банкиров, пытающихся впарить кредит, соцопрос, но ошибался.

– День добрый, Петр Витальевич?

Без всякого энтузиазма, уже нацеленный на грубость ввиду назойливых телефонных мошенников, я повысил голос:

– Чем могу быть полезен? – однако старался придерживаться норм приличия. Пока что, во всяком случае.

– Позвольте представиться, – послышался приветливый и аккуратный женский голосок с той стороны трубки, – меня зовут Татьяна Сергеевна, я управляющий по кадрам холдинга «Водинвест».

Мысли путались в голове. Меня что, на работу собираются пригласить? Досадное недоумение. Скорее всего, они нашли мое резюме на одном из популярных сайтов вакансий: оно лежало там еще с тех пор, когда я пытался сразу найти работу после неудачной операции на глазах.

Я не мог представить в тот момент, что сделать этого не удастся: у меня был огромный опыт в юриспруденции, я обладал обширными познаниями в разных областях права, в том числе в узких. Однако физическая невозможность работы ставила крест на всех моих начинаниях: я не мог физически смотреть на монитор компьютера более получаса. Что это за юрист, который не может написать исковое заявление, жалобу или банальное письмо?

Сменив несколько работодателей, я забил на поиск работы по специальности.

Но резюме не закрыл, видимо.

Исходя из фактических обстоятельств дела, оно должно было затеряться в течение недели после появления, ввиду отсутствия регулярных обновлений.

Так это работало.

Так оно и лежало среди тысяч других подобных резюме, забытое и потерянное...

Но как на него наткнулись мои странные соискатели вакансий?

Загадка.

Впрочем, поняв, откуда растут ноги, я решил серьезно объяснить обладательнице милого голоса, что позвонили они не по адресу:

– Да, Татьяна Сергеевна, могу ли я узнать, откуда у вас информация о том, что я ищу работу?

– Осуществляем поиск на «РукХантере», – без намека на лукавство ответила девушка. (Мне представилось, что это милая девушка. Одиравший без женского внимания, я строил свои собственные иллюзии и миры. Кто мог меня остановить?)

– Видите ли, в чем дело, – попытался я быть максимально корректным, – резюме это не обновлялось более года и я, честно признаться, не понимаю, как вы его нашли среди тысяч других.

Девушка ничуть не смутилась:

– О, это не проблема. Дело в том, что мы настроили очень тонкий поиск, отсеяв все остальные. Только один специалист среднего возраста, обладающий познаниями в иностранном языке, свободно разбирающийся во многих узких областях права, соответствовал нашим критериям. Более того, мы проверили судебные заседания с вашим участием – это фантастика.

Что ж. Ответ меня устроил: все было логично. А сейчас пора было переходить к завершающему удару: выкладывать все карты на стол и прощаться.

– Понимаете ли, в чем дело... – начал я. – Примерно год назад у меня случились проблемы со здоровьем, поэтому мне пришлось оставить юриспруденцию. Я даже не могу сейчас набирать текст на компьютере дольше получаса. Один глаз у меня полностью не видит. Второй... видит очень плохо.

Казалось, услышав это, девушка оживилась:

– Вы нас неправильно поняли, Петр Витальевич, – она запнулась, – мы не собираемся брать вас на должность юриста. Вы заинтересовали нас как специалист в выбранных сферах в качестве опытного консультанта, помощника руководителя по юридическим вопросам. В вашем распоряжении будет целый юридический отдел, которым руководит отдельный начальник. А ваша должность – руководящая. От вас не требуется составление правовых и процессуальных документов – только консультации, координация деятельности среди ведомств и аналитика с точки зрения вашего богатого опыта.

Я был немного ошарашен: что это? Великий змей опять укусил себя за хвост? Я снова в обойме? Радоваться было рано:

– А сколько предполагаемых кандидатов отобрали на предстоящее собеседование помимо меня? – этот вопрос был важен. Крупные компании часто использовали такой хитрый ход как пустые собеседования: они приглашали всех подряд, далее тасовали людей как карты, в надежде получить для себя лучший вариант: в идеале – послушный безвольный раб, который не ест, не пьет, обременен двумя ипотеками и огромным кредитом. Это чтобы он не сбежал в любой момент с работы, плюнув на все. Ведь потребность в ежемесячных выплатах подгоняет работать лучше. Очевидно.

– Только вы, Петр Витальевич, – без тени сомнения выпалила девушка. Я вам даже больше скажу: на вашей кандидатуре сразу заострил внимание директор, понимаете? Если на собеседовании все пройдет гладко, то вас сразу и устроят.

– Но мне уволиться надо. Я же работаю сейчас. У меня тут книжка трудовая... – я пытался дать заднюю, потому что боялся разочарований, которых было предостаточно в последнее время.

– Серьезная должность? – голос выглядел насмешливым.

Мне показалось, что говорить о своем текущем положении неуместно, поэтому я решил сгладить впечатление:

– Да менеджер простой

«Менеджер погрузочных работ», – подумал я про себя.

– Нам, в общем-то, трудовая ваша не нужна, – спокойно ответила Тамара Сергеевна, – так что увольняйтесь хоть завтра. Хоть за прогул.

– Некрасиво как-то, – и тут уже лукавил я. Большая часть работяг просто уходила в запой, на чем их отношения с работодателем и заканчивались. – А по зарплате-то что? – этот вопрос меня почему-то не особо волновал – вряд ли ниже 30 000 рублей. По-хорошему, 50 000 будет уже достаточно в моем положении. Но шанс вернуться в знакомую среду – бесценен. Я готов был работать и за такие деньги. Делать то, для чего я был создан. Ну, мне так казалось.

– Двести тысяч...

Я поперхнулся. Мне слышалось?

– Двести тысяч, – протянул я сдавленным голосом от удивления.

– Да, – вздохнула девушка, – но не переживайте, это только на испытательный срок. Затем триста и ДМС. Бесплатная сотовая связь и различные бонусы, которые обсуждаются.

– Когда собеседование? – вопросов не осталось.

– Ожидаем вас завтра в десять часов утра. Всего доброго. До встречи.

Ошарашенный, стоя с телефоном в руках посреди комнаты, я пытался скомпилировать разрозненные хаотичные мысли, которые тот час же, одновременно посетили мою голову. Вот это поворот.

2. Confirm («Запуск»)

Скорость пронизывающего насквозь бешеного ветра была невероятной. Казалось, он может содрать с человека кожу.

Холодный, сильный, ничем не сдерживаемый ветер не оставил бы шансов человеку, решившему забраться на крышу тридцатиэтажного дома.

Не такой уж и высокий по меркам столицы. Все равно в такую погоду находиться здесь попросту опасно: холодная скользкая крыша, сильный ветер, а так же факторы человеческой неосмотрительности и невнимательности – и все. Игра закончена.

Погода, несмотря на всю свою предзимнюю жесткость, готова была преподнести еще один сюрприз в виде пушистого белого снега.

Поскорей бы – снег укроет, наконец, от людских глаз осеннюю грязь. Потом он подтает и сам станет отвратительной коричневой жижей, цепляющейся к подошвам ботинок. Но это будет потом. Сначала, накрыв собой землю в самый первый день, он явит картину умиротворения и покоя, так необходимого нам после долгих, нудных и печальных дней осени.

Однако все эти погодные нюансы совершенно не трогали двух субъектов, находившихся в тот момент, в вечернее время суток, на крыше этого самого здания.

Впрочем, увидеть их в указанном месте простому человеческому глазу, исходя из настоящих погодных условий, возможным не представлялось.

Определенно можно было сказать, что это люди. Люди в странных нарядах: причудливая латексная одежда из фильма про супергероев обтягивала стройные и сильные мужские тела.

По крайней мере, со стороны могло показаться, что это латекс. Если присмотреться, любопытному взгляду бы непременно померещилось, что костюмы живые – бугрятся и дрожат от прикосновения ветра, как будто реагируя на нестабильную погоду.

Лица мужчин были полностью скрыты масками из такого же материала, закрывающими головы.

Отверстий для глаз или рта тоже не было.

Ничего определенного нельзя было сказать и о цветовой гамме нарядов: если смотреть на субъектов прямо, в упор, костюмы казались черными. Под углом же оттенок менялся на серый. Отличная маскировка для нахождения в неосвещенной местности, которой в тот момент являлась крыша высокого дома.

Попытайся мы рассмотреть их с земли, ничего бы не увидели.

Весь вид мужчин не выказывал какого-то беспокойства: напротив – казалось, они совершенно невозмутимы. Будто бы нахождение на крыше высотного здания в темное время суток в ужасную погоду – это совсем обыденное для них дело.

Впрочем, так оно и было.

Опершись на тонкие металлические поручни, незнакомцы молчаливо взирали сквозь черноту своих масок за действием, происходившим внизу.

А внизу располагалась недавно построенная станция метрополитена «Сталеварка», вокруг которой, словно грибы после дождя, тот же час возникли дешевые многоэтажки экономкласса.

Район еще не был благоустроен в полной мере в отличие от более старых районов столицы, поэтому застройщики предлагали выгодные квартиры, которые могли стать хорошей инвестицией.

Многие же жильцы, купив драгоценное жилье в ипотеку, заезжали в только что сданные бетонные коробки без ремонта и инфраструктуры. Пару лет придется пожить в аду, конечно, но нам не привыкать.

Возвращаюсь к происходящему... У северного выхода из метро, укутавшись в старую драную телогрейку, на картонной коробке сидел нищий без определенного возраста, занятия и нижних конечностей.

С самого рождения жизнь была не благосклонна к Ване: сначала мать-алкоголичка сдала его в детдом.

Годы, проведенные там, конечно, могли закалить ребенка, однако совершенно определенно могло произойти и наоборот.

Так и произошло: жизнь в детских домах совсем не сахар. Усыновлять Ваню с малых лет никто не хотел, или не получалось.

С годами надежды мальчика обрести любящую семью таяли, словно весенний снег под апрельским солнцем.

Выживание – это то, что стало целью и средством паренька на всю оставшуюся жизнь.

К восемнадцати годам парень озлобился, замкнулся в себе, и единственной мыслью, которая согревала его по ночам, стала уверенность в том, что государство в лице бесконечной армии чиновников продумало надежный механизм защиты прав и свобод такой обездоленной категории граждан, как Иван: каждому детдомовцу полагалась бесплатная жилплощадь по достижении совершеннолетия.

И, что удивительно, парень действительно получил документы на однокомнатную квартиру в новостройке: теплое, уютное гнездышко на двенадцатом этаже девятиэтажного дома...

Вы не ослышались: документы действительно были в порядке...

Столь вопиющий случай нарушения закона просто не мог остаться без внимания правоохранительных органов. Однако процесс был небыстрый: пока одни чиновники разбирались с ситуацией, другие пытались прикрыть выдачу несуществующей квартиры технической ошибкой. Как такое могло произойти? Или это было возможно только потому, что бесправный сирота не сможет отстаивать свои законные права?

В любом случае пока суд да дело Иван устроился работать на железную дорогу в ожидании положительного исхода своего дела.

Проработав немногим больше полугода, освоившись с процессом осмотра железнодорожных путей, парень готовился к поступлению в ПТУ по специальности, ну а после собиравшись, как и полагается любому мужчине в стране, отслужить в армии.

Всему этому не суждено было сбыться: не пойми откуда взявшийся состав на запасном пути сделал свое дело – зазевавшийся парень лишился правой ноги и получил инвалидность.

Чиновникам опять предстояло выяснить, как тепловоз оказался на этом направлении, почему не среагировал машинист, куда смотрел Иван, а также ответить на много других интересных вопросов о том, какой вагон в обход всех правил указанный поезд собирался перевезти и что за странный груз находился в этом вагоне?

Естественно, дело решили замять. Ивану выплатили небольшую компенсацию, на которую он купил комнату в общежитии в ожидании положительного результата по своей квартире.

Третьим ударом для парня явился последний поиск работы для самого незащищенного слоя населения нашей страны – инвалидов.

Принятый с распростертыми объятьями на производстве по сборке игрушек и не имеющий никакого жизненного опыта, Иван не сразу понял, что с самого первого его появления на пороге заводика за ним пристально наблюдают несколько пар лицемерных глаз, подсчитывающих возможную выручку.

Так, одинокий инвалид был подкараулен группой неизвестных лиц по пути с работы и, по причине своей инвалидности не оказав практически никакого сопротивления, очутился в багажнике большого черного внедорожника.

Денно и ночью избивая свою жертву, бандиты подавляли волю парня. Одновременно переоформив доверенность у своего нотариуса, продали комнатку Вани за небольшие деньги и готовились получить квартиру – рано или поздно.

Поэтому, возможно, паренек был еще жив.

Ну а чтобы он отрабатывал свой хлеб, пока сидит в подвале, заставили просить милостыню под чутким присмотром.

Сидит Иван возле входа в метро, вроде бы один, но за ним постоянно наблюдает пара зорких глаз.

В первый же день, оказавшись на улице, парень сразу нашел ближайших полицейских и сообщил о своем положении.

Полицейские усадили его в «уазик» и поехали в отдел. Однако до цели не добрались – привезли калеку прямо к дому его «хозяев».

Все стало ясно как день: естественно, такой прибыльный бизнес не может существовать без помощи со стороны силовых структур.

Ваню сильно избили в тот день, напутствуя о дальнейшем поведении.

Иван предпринял еще несколько попыток «побега» – и все они оканчивались провалом: у полиции просить помощи было бесполезно, а когда заговорил со случайными прохожими, тотчас возле паренька материализовались крупные лысые ребята, которые дали понять: разговор окончен.

Кульминация ситуации достигла в тот момент, когда пленители Ивана решили, что безногому инвалиду подают милостыни больше, чем одноногому...

Расправа не заставила себя ждать.

Жалкое положение паренька наложило необратимый отпечаток на его психику: забитый, подавленный, с полным отсутствием силы воли, он медленно умирал на улицах огромного, серого, жестокого города, никому не нужный и одинокий.

Его пламенная ненависть, сразу разгоревшаяся по отношению к своим мучителям, угасла со временем и медленно тлела, поддерживаемая слабым теплом безысходности и безнадёги.

Он потерял человеческий облик не только физически, но и духовно: сломленный и разбитый.

Все эти мысли, все эти образы каким-то удивительным способом ощущали оба субъекта, находившиеся в тот же момент на крыше многоэтажки. Впрочем, часть картины им была понятна еще до того, как они увидели паренька на улице – ведь они находились здесь только ради него.

Хотя, конечно, если говорить прямо, – не только.

– Пора, – слова были произнесены тихо и спокойно одним из субъектов в обтягивающих латексных костюмах и, несмотря на завывающие звуки сумасшедшего ветра, были отчетливо ясны и понятны его коллеге, который, расслышав все, медленно кивнул.

После чего один из странных мужчин вытянул вперед руку, раскрыв ладонь, и направил конечность в сторону попрошайки-инвалида, сидящего у входа в метро.

– Rise and shine, Riddick. Rise and shine, – слова, сказанные на английском языке с акцентом, в точности повторяли первую фразу видеоигры про приключения самого опасного преступника в Галактике.

– Зачем весь этот театрализованный маскарад? – из-под маски высокого субъекта вырвался смешок. – Наряд этот дурацкий...

– Но удобный, – парировал второй.

Первый кивнул:

– Да, и что? – продолжил он свою тираду. – Зачем надо было лезть на этот дом? Сидеть тут? Наблюдать? Можно было сделать все быстрее и эффективнее в сто раз.

Его напарник вздохнул:

– Мы же тестируем экипировку, – казалось, столь неуместный вопрос вымораживал собеседника. – Обсуждалось же сто раз. Чем ты занимаешься на брифингах?

– Послушай, Сер... – высокий был резко прерван собеседником.

– Никаких имен, мать твою, – заорал внезапно низкий. Затем, понизив голос, прошептал: – Конспирация.

– Ладно, пора сваливать, – оба субъекта кивнули.

– Думаю, наша утонченная коллега справится со своим заданием, – произнес длинный с необычной теплотой в голосе.

– Авось выдюжит, – подтвердил низкий.

Они стояли еще какое-то время на крыше высотки, всматриваясь в пустоту ночи, а потом исчезли.

* * *

Иван устал сидеть на холодной картонке возле метро. Впрочем, его пленителей указанный факт не беспокоил. Парень лишь являлся источником дохода для бандитов. Такой же, как и сотни других, обездоленных.

Внезапно он почувствовал укус – казалось, комариный – в открытую часть шеи.

Откуда тут насекомые в такую погоду? Место укуса чесалось, но в остальном неудобств не доставляло.

Скоро поток народа из метро иссякнет, бандиты упакуют его и отвезут в свое логово. Покормят какой-нибудь дешевой бурдой и спиртом для снятия стресса, а завтра все повторится сначала.

Хорошо хоть наркоту не колют – по слухам, происходило и такое: воля узников полностью подавлялась и с ними делали все, что захочется. В основном, конечно, это касалось проституток, а на проститутку Иван явно не тянул.

* * *

Осенняя столичная ночь накладывала отпечаток и на богатый коттеджный поселок: несмотря на чистоту улочек, мощенных плиткой, архитектурный дизайн домов и роскошную иллюминацию, повсеместная серость и мелкий дождь, барабанивший по опавшим сухим листьям, безусловно напоминали, что местную природу невозможно спрятать за фасадами красивых домов и смешной подсветкой.

Только очень внимательный глаз заметил бы в такую погоду быстро движущуюся вдоль благоустроенной улочки тень, мелькающую в свете неоновых ламп.

На секунду тень остановилась возле невысокого забора из красного кирпича, ограждающего богатый дом, застыв, перемахнула препятствие и оказалась во внутреннем дворе дома.

Если бы мы сфокусировали свой взгляд на этой точке, то увидели бы женский силуэт спортивного телосложения: в меру накачанный, в меру изящный. Определенно, большая часть мужской половины земного шара нашла бы ее формы привлекательными.

Более ничего сказать с уверенностью было нельзя: женщина была облачена в черный латексный костюм, полностью покрывающий ее тело.

Такую же по своей структуре одежду мы могли видеть ранее – на крыше многоэтажного дома, в предыдущем эпизоде.

Поступь незнакомки была практически невесомой, движения – плавными, но быстрыми: ни дворовые породистые ротвейлеры, ни охранный персонал не заметили вторжения.

Костюм обеспечивал полную невидимость для технических средств, а так же блокировал своими феромонами обоняние мохнатых стражников.

Момент для набега на этот дом был выбран удачно еще и потому, что его хозяева в данный момент отсутствовали: высокопоставленный генерал полиции с супругой пребывали на одном значимом светском мероприятии.

Подойдя к стене дома, женщина изогнулась, как кошка, и резким прыжком практически взлетела на балкон второго этажа, где тихо проникла в открытую балконную дверь.

Двигаясь по хитросплетениям коридоров к своей цели, незнакомка достигла кабинета генерала. Дверь оставалась закрытой недолго. Быстрая манипуляция с отмычкой – и ручка предательски поддалась. Внутри – сейф. В сейфе – компромат. Секунда – и код подобран. Женщина взяла в охапку пачку документов и денег и спрятала в специально принесенный рюкзак, плотно прилегающий к костюму.

Одновременно с этим из той же сумки были извлечены другие бумаги и бережно уложены в тот же самый сейф.

После того как кодовый замок был выставлен заново, женщина повела головой из стороны в сторону, осматривая богатое убранство кабинета, и исчезла.

3. 1 °CLS

Сборы перед собеседованием заняли достаточно много времени еще и потому, что я уже забыл, как это: надевать дорогие костюмы, носить хорошую обувь, выглядеть подобающе своему статусу – и прочие различные тонкости классового неравенства, особо ощутимого в наше странное время.

Благо, у меня осталась еще такая одежда в гардеробе: модели, конечно устарели, но все еще именитых брендов.

Точнее, одного именитого бренда. Все, что осталось: один костюм и последняя неизношенная пара обуви.

Впрочем, этого было вполне достаточно для собеседования. Если же это все глупая шутка, я просто вернусь в свой цех холодного хранения на птицефабрике и продолжу свою деятельность в качестве профессионального грузчика.

Терять мне явно было нечего, кроме хорошего настроения сегодня, завтра и, может быть, послезавтра.

Костюм оказался немного великоват и висел местами на теле: результат изнурительного физического труда по переноске продуктов из мяса птицы.

Хотя под определенным углом зрения сидел еще ничего.

Покрутившись перед зеркалом, я постарался принять решение максимально быстро и решил не переодеваться.

Главное, не забыть линзы. Никаких очков. Последняя пара, бережно спрятанная на всякий случай. Прослужат дольше теперь – так как глаз один, а линзы – две. «Э» – экономия.

Везде надо искать плюсы.

Путь мой пролегал из спального района по узким улочкам к станции метро, окруженной то тут, то там плакатами, на которых были изображены красивые молодые мужчины и женщины, рекламирующие те или иные товары.

Казалось, что обладателям такой эффектной внешности знакомо всего одно слово в лексиконе из четырех букв, и слово это – «секс».

Но в этом не было ничего необычного: иллюзия красоты и успешности привлекает взгляды потенциальных объектов рекламы – обывателей.

Мировая PR- и рекламная индустрия достигла небывалых высот в последнее время: нам могли «впарить» все что угодно и убедить сделать любую глупость.

Если вы никогда не верили в силу гипноза, особенно массового, – просто выгляните в окно.

На этом фоне одинокий и уставший инвалид, коим я и являлся, выглядел нелепо: как мог, я постарался замаскировать свои недуги и даже прилично одеться, однако все выдавала душа.

То самое, что было незримо человеческому взгляду, но, несомненно, наложило тяжелый отпечаток грусти, печали и потерянных надежд.

Хотя сегодня я и чувствовал себя относительно хорошо, мысли о былом накручивали мое подавленное, в целом, перманентное, состояние.

Я даже не волновался в этот раз: сидя в метро, не думал о том, что я могу потерять время, или запнусь, или забуду ответ на простой вопрос, – неважно. Вот так, мне было все равно.

Да и ехал туда только потому, что мне было скучно.

Офис моей будущей предполагаемой работы находился на Речном стадионе – далековато от моей Астановской станции, однако по прямой. Родная зеленая ветка. Без пересадок – так что даже удобно.

Посмотрев заранее карту маршрута, я уже четко представлял, куда я должен направиться, покинув вагон поезда.

Пешком пять минут. Обратная сторона торгового центра «Пристань». Вход через КПП по пропускам. Подойти к охраннику, назвать свое имя, показать паспорт и ждать, пока за тобой спустятся из отдела кадров.

Последний штрих перед прыжком в пропасть – зайдем в магазин парфюма. Дома ничего не осталось – не беда. Если все сложится нормально, куплю потом, а пока ловите «лайфхак»: заходим в магазин, выбираем духи для теста. Берем те, что подороже. Лучший бренд. На ваш вкус. И производим пару «пшиков» в область шеи и левой кисти.

Уходим по-английски.

Вот теперь я готов. Словно древний языческий бог, забытый и брошенный своими последователями, я возродился на страницах учебника истории: смысл уже не тот, конечно, зато теперь про меня знает не только крошечное племя аборигенов, забытых в лесах, но и весь мир!

На КПП меня встретил приветливый охранник, имя которого я не разглядел на бирке. Да и не то чтобы я очень хотел знать его имя пока что.

Мужчина средних лет. Чувствовалась какая-то армейская выправка. Я много общался с людьми силовых профессий и за годы работы уже мог сделать кое-какие выводы о физической подготовке человека просто по его виду.

Передо мной был не просто человек в форме, а закаленный, прожженный в боях ветеран, приветливо улыбающийся, казалось, даже искренней улыбкой.

Впрочем, учитывая мое состояние, бояться меня действительно было глупо: охранник сломал бы за секунду, попытайся я учудить что-нибудь.

Проверив мои документы, он подтвердил, что меня ожидают в отделе кадров, кивнул и объяснил, как туда пройти сквозь хитросплетения этажей, коридоров и дверей.

Однако в начале я должен был пройти до ресепшена. Здесь, в окружении искусственного света, сидя за стойкой, я увидел ослепительной красоты девушку. Я даже обомлел немного. Конечно, общения с представительницами прекрасного пола мне не хватало в последнее время, но ранее проблем у меня с этим не было, и я надеялся на давно забытые навыки.

Девушка действительно была красива. Более того, красота эта была лишена какого-либо намека на косметические коррекции, подтяжки и прочие процедуры, популярные в последнее время среди женского населения.

Я бы не сказал, что она активно пользовалась косметикой: так, самую малость, – подчеркнуть лишь то, чем одарила ее природа.

Тонна «штукатурки» на лице отсутствовала как факт, и это был удивительный факт.

Непосредственно у стойки меня одолело неловкое чувство: я оказался выше секретаря, поэтому мой единственный похотливый глаз сверлил вздымающуюся под закрытой блузкой грудь девушки. Обзору ничего не мешало. Нет, конечно, я пытался смотреть ей в глаза, но получалось откровенно плохо. Девушка улыбалась – если она заметила мои потуги, то виду не подала.

– Мы вас ждем, – приветливо сообщила секретарь. – Вы как раз во время: все руководство на месте. Сначала я отведу вас к руководителю, а затем уже поговорим о формальностях.

– Вот так сразу? – необычным в ее голосе было то, что она безапелляционно выразила свою мысль о дальнейшем общении после разговора с руководством. Откуда ей знать, что я устрою ее начальство?

Впрочем – ладно.

Девушка плавно поднялась из-за стола и демонстративно развернулась на каблуках. В это мгновение я оценил остальные части ее тела. Передо мной была богиня. Тело девушки было близко к совершенному: длинные ноги, ярко выраженная роскошная талия, шикарные бедра и, как вишенка на торте, – упругий и накаченный зад.

Был бы я моложе – точно влюбился бы.

Однако то, что произошло потом, вернуло меня на землю: секретарь начала двигаться на своих изящных каблуках, нелепо перебирая своими роскошными ногами, как медвежонок.

Ощущение было странное – казалось, женщина просто не умеет ходить. Как такое было возможно? Абсолютно. Она двигалась. Но эта походка ей совсем не подходила. Как будто неведомые силы слепили красавицу из неестественной магии, но не смогли вложить в ее разум навыки по использованию своего тела.

Походка была аляповатая. Она подошла бы какому-нибудь «дембелю», вернувшемуся из армии, но не этой девушке. Мое желание, вызванное созерцанием красавицы, сразу пропало. Поразительно. Такая нелепая деталь – и все мнение о человеке меняется вмиг.

В любом случае – я последовал за ней.

Мы поднялись по лестнице на второй этаж. Затем прошли по коридору метров десять и уткнулись в обычную офисную дверь без обозначения номера, открыв которую, я увидел «тамбур» размером пять на пять метров. Внутри помещения находились офисный стол, компьютер, оргтехника. За столом находилась девушка – не такая эффектная, как на ресепшене, но тоже очень ничего: спортивное телосложение, милое личико... Слишком много хороших девушек за один день.

Мозг просил его выключить, но я пытался держаться.

– Леночка, а это к Олегу Ивановичу, – прошептала первая девушка с ресепшена.

– Хорошо, Оля, – мило отозвалась вторая – скорее всего, личный секретарь «босса», – я доложу.

Как только она встала со своего места, я опять заволновался: —фигура у второй тоже была ничего. Очень даже ничего.

Стоять и краснеть тут как «школьник-спермотоксикозник» в мои планы не входило, но, черт побери, как же я долго не общался с девушками такого уровня.

На птицефабрике у нас, конечно, были женщины и девушки. Девушки, которые выглядели лет на сорок в свои двадцать, – это те, с которыми я пересекался непосредственно по работе: кладовщицы, повара, «часовики», работницы ОТ и прочие. Ходили слухи о «классных» менеджерах в административном здании птицефабрики, но мне туда доступ был заказан.

Так и жили.

Открыв дверь тамбура во внутреннее помещение, я увидел небольшой уютный кабинет, оформленный в белых тонах. Широкие окна обеспечивали отличное дневное освещение, однако искусственные лампы все равно работали. В центре кабинета находился небольшой переговорный столик с парой стульев, за которым уже размещалось рабочее место руководителя: большой стол, ноутбук, телефон. Ничего необычного. Поражали простота и дешевизна убранства, не характерные для крупных холдингов. Как правило, при появлении первой возможности наши бизнесмены пытались продемонстрировать шик и роскошь. Пустить пыль в глаза и поднять свой статус: дорогая мебель из чешуи с филейной части единорога или обитая кожей пениса морского кита.

Абсурд? Но тем не менее...

Здесь же повсюду недорогая, но функциональная мебель из «Дикеи» – и никакого намека на лишние траты.

Как только вторая девушка (секретарь директора) проводила меня внутрь, дверь за мной захлопнулась. Я оказался немного в замешательстве, но кабинет, казалось на первый взгляд, был пуст.

– Мы вас ожидали, Петр Витальевич, – донеслось откуда-то слева.

По причине слепоты одного глаза, мой угол зрения был значительно уже, чем у здорового человека. Соответственно, я не мог сразу заметить молодого мужчину лет тридцати в углу комнаты справа от меня, склонившегося над огромным кустом алоэ и самозабвенно увлажняющего его из красного чайника.

Черты лица ровные. Брови высокие. Не назвал бы его интеллигентом, но и на работягу он не тянул.

– Прошу простить, – усмехнулся мужчина, – но растение хочет пить.

После чего он поставил на стол чайник, повернулся ко мне и приветливо протянул руку:

– Олег Иванович. Генеральный директор и, по совместительству, основной участник всех наших аффилированных структур, – незнакомец представился.

Ничего в нем не выдавало человека богатого, властного и расчетливого – то есть обладающего всеми качествами, присущими людям его типа, коих я, конечно, повидал немало за свою жизнь.

Напротив, Олег Иванович, казалось, обладал каким-то обаянием, свойственным простому человеку. Живой, играющий огонек в глазах сразу располагал к себе людей. В этом была его сила.

Вот только Богу было известно, что на самом деле скрывается за этой маской. И была ли это маска?

Я пожал его руку.

Жестом он пригласил меня сесть за столик, сам же расположился напротив. В условиях такой простой, доверительной беседы мы и начали наш диалог:

– Прошу простить меня, – директор вежливо начал свою речь, – человек я занятой, поэтому без прелюдий – сразу к делу. Холдинг наш охватывает самые разные отрасли: добыча и производство бутилированной воды, серия аптек, разработка лекарств, пара химических производств, ИТ-сфера, строительство... – он прервался на секунду, и я решил, что настало время поддержать разговор, вместо того чтобы просто сидеть и, как болванчик, кивать головой.

– Довольно широкий круг задач? – я попытался изобразить интерес. Не то чтобы мне было совсем не интересно, но, говоря прямо подобных организаций я видел не мало, поэтому все это не удивило.

– Совершенно верно, – руководитель благосклонно улыбнулся и кивнул. – Нам нужен человек, хорошо разбирающийся в юридических вопросах разной сферы. В качестве моего помощника. Знаете ли, темп жизни сейчас такой, что уследить за всем попросту невозможно.

– В чем конкретно вы видите мои обязанности? – задал я прямой вопрос.

– Юридический анализ нашей работы. Доклады по работе юротдела, – директор осекся, – я еще вас представлю. Решение моих личных юридических вопросов, связанных, конечно же, с интересами компании. Личные консультации.

Вопрос витал в воздухе, и я не мог его не задать:

– Не доверяете своим людям? – мне хотелось посмотреть на реакцию этого человека. Обычно руководители такого плана, повидавшие жизнь, имеют свое мнение и весьма неохотно принимают подобные вопросы, считая сам факт существования людей со свободным мнением, отличным от их собственного, каким-то побочным эффектом, математической погрешностью жизни.

Напротив, в данной ситуации директор не повел даже взглядом:

– В каком-то смысле, – он сделал хитрую гримасу и подмигнул мне. – Будете следить за всеми в оба глаза.

Настало мое время смущаться: конечно, я не докладывал о моем состоянии здоровья лично, но невольно опешил. «Следить в оба глаза» – это, конечно, не про меня.

Директор не унимался:

– Как у вас, кстати, со зрением? – не меняя напора, он объяснил свой вопрос: – Изучая дела кандидатов, наткнулся на пару ваших статей в интернете. Там, на фотографиях, вы в очках, а сейчас без – операцию сделали или линзы?

– Линзы, – без особого энтузиазма попробовал ответить я.

Безусловно, правильный ответ звучал бы «линза», но я решил не портить эту игру.

– Понимаю, – удовлетворенно подметил руководитель. – Сам в свое время носил очки. Долго не решался на... – он запнулся, – операцию. Все боялся последствий. Читал много информации в интернете.

Директор остановился на секунду, закатил глаза и обратился ко мне:

– Не читайте ничего в интернете. Лучше смотрите там глупые картинки. Полезнее будет, – он назидательно поднял палец вверх. – В итоге сделал себе глаза – и все теперь вижу. Столько времени потратил на такую слепую жизнь.

– Ну... – разговор мне был неприятен, – это дело каждого. К тому же при тонкой роговице такие операции делать нельзя.

– Это верно, конечно, – улыбнулся директор. – Не хватает мне иногда очков, знаете ли. Так хочется порой снять их и не видеть все эти рожи, всю эту грязь этого мира – только размытые силуэты без очертаний. И дождь, хлещущий по лицу.

Такое откровение меня убило: вот так вот говорить об этом первому встречному, по сути.

Но и это не было чем-то необычным – как я уже говорил, люди, обладающие хоть какой-то властью, по прошествии определенного времени начинают вести себя отлично от других: поступки, мысли, дела. Кого-то власть безвозвратно извращает, кто-то держится. Маленький человек остается таким же маленьким – просто груз проблем больше.

Передо мной человек, решающий сотни проблем. Конечно, его мышление отличается от моего.

Ни внешность его, ни поведение не являлись чем-то неординарным – обычный «царек» в своем королевстве. «Царек», которому я готов был предложить свои услуги в обмен на жалование. В этом случае придется закрыть глаза на его причуды, даже если они обличены в подобие поэтической красоты.

– Я вот так и подумал, когда отказался от операции, – решил поддакнуть я.

– Но потом стало поздно? – спросил директор. – Мы позвонили на последнее место вашей работы, еще до того как проводить собеседование. Да и секретарь рассказала о вашем телефонном разговоре.

Наступила долгая пауза.

– Мне известно о вашем недуге, – Олег Иванович сделался серьезным как никогда. – Важно, чтобы вы понимали, для нас это не проблема. Решите сами для себя – проблема ли это для вас?

– Конечно нет, – утвердительно ответил я, – уже давно все решил.

– Вот и славно, – теплая улыбка вернулась на лицо руководителя. – Я ознакомился с вашим резюме и достижениями. Вы нам подходите, учитывая ваш обширный опыт и знания. Остался лишь один вопрос: кроме всего этого, что я как работодатель получу в обмен на двести тысяч рублей в месяц?

Без колебаний и промедления я ответил:

– Мою лояльность и конфиденциальность в решении вопросов.

По выражению лица Олега Ивановича я понял, что ответ его полностью устроил:

– Вы знаете, Петр Витальевич, иногда эти качества важнее знаний и опыта.

– Я знаю, – мягко ответил я.

Мы пожали друг другу руки. Директор вызвал секретаря и попросил проводить меня в отдел кадров для окончательного оформления.

Я так и не понял в точности, чем же я должен заниматься, но пару сотен тысяч в месяц на дороге не валяются.

4. WHILE

Таможенный склад представлял собой большое помещение, собранное из металлоконструкций: с высокими потолками высотой метров шесть, позволяющими разместить огромное количество всяких товаров, поступающих туда для таможенной очистки.

Откуда-то дуло – как будто сквозняк.

Мне было немного зябко, отчего приходилось кутаться в пальто.

Своим единственным глазом я, словно циклоп, осматривал вверенный мне груз, стараясь не выказывать никаких эмоций, потому что это было непрофессионально.

Дмитрий, наш таможенный брокер, напротив всячески старался показать свое волнение и нервозность – будто специально.

Весь его суетной вид прямо кричал нам в лицо: «Смотрите, смотрите! Нас кинули. Мы обосрались».

Бегающие, беспокойные черные глазки брокера скользили по моей безмятежности и по ухмыляющейся физиономии таможенного инспектора Игоря Петровича.

Последний, в свою очередь, находился полностью в своей стихии: ошибки в поставке товаров или даже подозрения на всякого рода мошенничества он привык видеть регулярно.

– Так вот и я говорю начальнику, – пытался оправдаться инспектор, – может, ошибка какая? Ну, мало ли что там у них? Но ни в какую, говорит. Пиши значит, говорит, все по форме, с вызовом. С вот этим вот всем. Понимаете?

Я понимал, конечно.

Вскрыв упаковку запечатанной бабины высокотехнологичного и дорогого оптического кабеля, своим циклопичным взглядом я увидел аккуратные мотки обычной лески гораздо меньшей стоимости.

Не являясь специалистом в области высоких технологий, я все же понял, что кто-то ошибся: может быть, даже сознательно.

Контракт был заключен на поставку кабеля. Контрагент – иностранная фирма, расположенная в Уганде.

Откуда у них такие кабели? Уже неважно.

Деньги уплачены авансом полностью. Привезли леску.

Словно игральные кости в моей голове выпадали случайным образом варианты оценки событий.

Первое: обычная ошибка. У контрагента в Уганде что-то напутали и прислали совсем не то. Обычное дело, казалось бы. Но расходы на перепакровку, отправку и претензии – все-таки моя головная боль.

Второе: контрагент умышленно прислал не то. Значит, надо обращаться в компетентные органы. Это проблема. Может, нерешаемая.

Третье: передо мной хитроумная схема вывода денег за границу. Под предлогом фиктивной сделки иностранной фирме переводится определенная сумма денег, а дальше – хоть трава не расти.

Я, конечно, был склонен верить в добропорядочность людей, но видел их столько за свою жизнь, что любой вариант казался правдоподобным.

Особенно последний. Особенно когда речь идет о пяти миллионах долларов. Не так уж и много, если посмотреть глобально. Но в масштабах Уганды не так уж и мало.

Надо взять время на звонок «другу»: непосредственному руководителю – Олегу Иванычу.

Набрав его номер, я объяснил ситуацию в двух словах.

Голос его не выражал никакого беспокойства – напротив, босс казался жизнерадостным, как обычно, и шутил по любому поводу.

– Петр Виталич, – резко и прямо сказал он, – это недоразумение у наших партнеров. Они уже подготовили необходимые бумаги и только что выслали их по почте. Я тебе перешлю на «Вазап» (один из популярных мессенджеров), и ты покажи просто инспектору, а уж потом мы все как положено письменно оформим.

Мое напряжение немного спало. Все улажено без моего участия. Хорошо. Осталось дождаться документов на телефон.

Я подошел к инспектору Игорю:

– Шеф сейчас пришлет документы на телефон. Покажу вам, а потом все дооформим как положено.

– Да не вопрос, – кивнул таможенник, – я же говорю, мол, начальник послал, я сразу сказал – ну, недоразумение...

Его тираду про начальника прервал сигнал смартфона, уведомляющий меня о том, что пришло сообщение от шефа.

Я протянул телефон под нос инспектору так, чтобы он видел экран, и уже собирался открыть мессенджер, как понял, что сообщение пришло не в «Вазап», а обычным смс.

Открыв сообщение, я выпал в осадок. Инспектор же искажился в лице: его прошиб пот, глазки забегали, язык сразу начал заплетаться от увиденного: мобильный банк информировал меня, что шеф перечислил мне сто тысяч рублей.

Имея некоторый опыт в этих делах, а так же понимая, что вокруг нас осуществляется видеосъемка, возможно, со звукозаписью, мне ничего не оставалось, как громко произнести:

– Ну, вот они, документики, Игорь Петрович, устроят вас? – и уставился на инспектора.

Несколько секунд его лицо выражало тяжелый мыслительный процесс, но сдалось под напором обстоятельств.

– Вы не пообедали еще? – как бы невзначай спросил инспектор.

– Как раз собирался, – спокойно ответил я. – Посоветуете хорошее и недорогое кафе?

– Да тут есть неподалеку, – подтвердил инспектор, – хорошее, там мой друг работает.

Все было ясно без слов:

– Тогда я проеду по данному адресу, а Дима, – я кивнул в сторону непонимающего брокера, – заберет ГТД (грузовая таможенная декларация) позже, а пока оформит документы.

– Какие д-д-документы? – парень начал заикаться от непонимания проблемы.

– Какие тебе отдам через полчаса, – кивнул инспектор, – сейчас пока подпишем у начальства... Я же говорю ему, ошибка, наверное, понимаете? Подождете минут двадцать. Петр Витальевич пока пообедает.

В этой сцене было прекрасно все: непонимающий брокер, совершенно владеющий ситуацией я и понимающий инспектор.

Через пять минут я уже ехал в такси в сторону кафе по указанному мне адресу. Радио сообщало новости о новом коррупционном скандале в рядах силовых структур: высокопоставленный офицер ведомства уличен в многочисленных взятках. Обыск по месту жительства выявил множество улик, в том числе черную бухгалтерию, записи с явками и паролями генерала и многое другое.

Обычное дело в государстве. Каждый день кого-то сажают за коррупционные преступления, но толку мало – объем преступлений в этой сфере только растет.

Выглядело, право, смешно: я еду давать взятку посреднику инспектора, рассуждая о коррупции в стране. Наверное, мы все страдаем каким-то особым синдромом, внутри нас существует некое раздвоение: где-то на интеллектуальном уровне мы понимаем, что все плохо, но физически сами плодим лихо вокруг себя, вина в своих проблемах других.

Из-за жадности, глупости, высокомерия – ничего не менялось веками.

В моем положении вообще все выглядело странным: я был обязан своему нанимателю и это меня пугало. Словно побитого пса, меня подняли с проселочной дороги – приютили, отмыли, накормили. Но вместе с тем, посадили на тяжелую цепь возле дома, и теперь я с радостью, не осознающий своего рабства, выполнял любые прихоти хозяина.

Обидно было то, что я в очередной раз разочаровывался в людях: я не питал никаких иллюзий по поводу Олега Ивановича, но все-таки краешком остатков своей циничной души желал встретить более одухотворенного человека.

Увы, мой работодатель такой же «комерс», как и остальные. Такой же жулик, мошенник, преследующий те же самые цели.

Было ли мне грустно от такого откровения? Конечно нет. Немного боязно. Я и сам был большим беспринципным циничным ублюдком, и, если бы не мой ужасный недуг, вернувший меня на некоторое время с неба на землю, так бы и продолжал небожительствовать и черстветь.

Уже без малого две недели я выполнял различные поручения руководства – притирался к работе. Познакомился с некоторыми коллегами: с кем-то даже нашел общий язык. Все как обычно, короче.

Взятку я, конечно, давал впервые, и, похоже, если все пройдет успешно, такая практика будет не последняя. Уголовная ответственность меня мало пугала: как я и говорил, меня крепко «держали за яйца» обстоятельства.

Выйдя остановкой раньше, я зашел в банк и «обналичил» всю сумму с золотой карты.

Затем я добрался до кафе, указанного инспектором.

Ко мне сразу подлетел молодой официант и принял у меня заказ.

Я не планировал сытно есть, тем более основная цель моего пребывания в данном питейном заведении была совсем иной.

Когда я употребил салатик и выпил чайку, мне принесли счет в закрытой обложке, раскрыв которую, помимо фискального чека я обнаружил еще и записку, написанную от руки, с цифрами 100 000.

Вложив в конверт указанные суммы, я подумал, а стоит ли мне оставлять на чай? Улыбнувшись, подумал, что нет. Поблагодарил официанта и вышел из кафе.

Буквально через несколько минут мне позвонил брокер Дима и сказал, что ему отдали ГТД и товар можно забирать со склада.

Осталось понять, куда девать столько лески?

5. READ (A, B, C)

Последние пять дней Ваню очень сильно лихорадило – до такой степени, что его мучители даже начали беспокоиться.

Не состоянием здоровья своего пленника, конечно, а тем, что он может не дожить до выдачи свидетельства на новую квартиру.

Они даже вызвали врача, который, осмотрев больного, просто развел руками, принес целый пакет различных лекарств и не смог ничего сказать по поводу диагноза.

Парня даже освободили от ежедневной повинности по сбору милостыни: а вдруг он вырубится прямо на глазах у тысяч прохожих, и что тогда?

Его надзиратели – жестокие люди, но явно не дураки.

Последняя ночь оказалась особенно тяжелой: Ваня валялся на кровати в запертой комнате с узкими решетчатыми окнами, укрытый легким пледом, и жалобно стонал.

– Да заткнись ты там, ёпт, – стучал кто-то из пленителей в дверь с той стороны. Еще бы: ночью полагалось спать, а не орать на весь дом, будоража умы таких же, как он, страдальцев и, что самое важное, беспокоя покой их господ.

Сегодня на страже стоял Рамиль – наверное, самый добрый парень из всех бандитов. Он и не орал почти на Ваню. Всегда улыбался. Приносил еду. Не то что Тимур – вот тот был просто садистом. Даже вспоминать не хотелось.

Тем не менее даже нервы Рамиля могли дать трещину. И если Ваня не успокоится, то добром это не кончится.

В свою очередь, парень успокоиться просто не мог: его трясло, лихорадило, горячий и холодный пот одновременно прошибал тело.

Казалось, еще чуть-чуть – и парень потеряет сознание.

Виной всему был тот странный укус непонятого насекомого, случившийся несколько недель назад.

Сначала место укуса просто чесалось и, в целом, не доставляло неудобств. После стало хуже: кожа вздулась, начался озноб.

Сейчас Иван совершенно не контролировал свое тело и начал истошно вопить.

За дверью слышались ругательства и звук ключа в замочной скважине – сейчас Иван будет избит своими мучителями.

Внезапно обрубки ног в месте ампутации запульсировали адскими судорогами. Ваня вскрикнул.

Кожа, образующая шрамы рубца на отсутствующих конечностях, лопнула – ноги начали удлиняться.

Все это сопровождалось сумасшедшей болью. Ваня упал с кровати.

В это самое время Рамиль справился с ключами и вбежал в комнату.

Его взору предстала страшная картина: на полу, корчась от судорог, лежал парень, из обрубков ног которого хлестала кровь и выросло что-то.

Спустя время процесс роста конечностей прекратился. Иван вскрикнул последний раз и потерял сознание.

Рамиль осторожно осмотрел тело: невероятно, но ниже колен у Ивана присутствовали обе здоровые, нормальные ноги. Да, они были залепаны кровью. Да, места шрамов были разорваны и кожа в этом месте свисала лоскутами, но ошибки не было – парень был здоров.

Потеряв дар речи, надзиратель стоял в центре комнаты и молчаливо взирал на произошедшее.

Рамиль многое повидал в своей жизни и был парнем не из робкого десятка, но сейчас чувствовал, как к задней стороне затылка начала подкатывать паника: он не знал, бежать или остаться, проверить Ивана или бросить?

Сделав над собой усилие, он склонился над телом пленника: сегодня была его смена и он отвечал головой за каждого человека, вверенного ему под охрану.

Пленники не догадывались, но охрана тоже как огня боялась своих «хозяев».

Протянув руку к шее Ивана, Рамиль попытался нащупать пульс.

В этот момент глаза узника открылись. В них не было уже того самого страха, вызванного подавленным чувством человеческого достоинства за месяцы пыток и издевательств.

Рамиль не успел испугаться по-настоящему: правая рука Вани метнулась с пола к его тонкой, цыплячьей шее. Раздались хруст и хрип – надзиратель упал замертво за долю секунды.

Спустя мгновение, тело пленника было приведено в движение: не побитый, загнанный щенок, но человек медленно и важно поднялся с пола и осмотрел свою комнату и себя со стороны. Джинсы были обрезаны по понятным причинам, обувь так же отсутствовала и найти подходящую пару возможным не представлялось.

Человек мог броситься бежать без оглядки. Бежать от проблем. От судьбы. Подальше от этого кошмара. Но он не стал этого делать.

Обыскав труп надзирателя, Иван нашел увесистую связку ключей, с которой вышел в коридор.

По очереди он открывал двери в комнаты таких же несчастных, как и сам.

Но не выводил к свету, нет: они сами должны решить – идти или остаться.

Затем он открыл входную дверь импровизированной тюрьмы и оказался на улице. Этот маршрут он знал хорошо – территория, огороженная высоким забором. В центре – господский дом, место обитания главаря банды. Рядом – хозяйственные постройки и гаражи, в которых преступники хранили документы и другое имущество, добытое незаконным путем. Чуть поодаль стояло здание «тюрьмы», где содержали пленников. Левее – тропинка, которая могла привести Ивана к свободе, в аккурат к забору, а там – дверь.

Но время еще не пришло: словно тень Иван метнулся к господскому дому. В его голове крутились разные мысли, переплетающиеся в причудливом сумасшествии.

Когда он начал называть этот дом господским? Из глубин генетической памяти, словно его далекие предки, угнетаемые сумасшедшими помещиками, возникали образы, обрывки фраз и воспоминания. Его воспоминания. Настало время поставить точку во всем этом абсурде.

Первыми на его пути оказались две здоровые и злые бандитские собаки. Ротвейлеры не реагировали: каким-то образом они не почуяли и не увидели Ивана.

Парень сел на корточки возле псин и начал гладить за ушками.

– Простите, – извинился Ваня, – как только начнется заварушка, вы мне мешаете. А я не хочу, чтобы вы мне сейчас мешали.

Стремительным движением, невидимым человеческому глазу, парень погрузил свои кулаки в черепа доверчивых собак, превратив содержимое черепных коробок в кровавое месиво.

Встав во весь рост, Иван вздохнул полной грудью: дорога открыта.

Потянув за ручку входной двери, парень осознал, что это будет не быстро: шум поднимать не хотелось. Дом же был трехэтажный, со множеством комнат. Все спали. Неудивительно: шумоизоляция делала свое дело на ура – даже недавние вопли Ивана никого не разбудили.

Охрана, как и полагается, спала на своих постах в зале. Они стали первыми.

Продвигаясь от комнаты к комнате, от кровати к кровати, Ваня отточенными движениями убивал своих обидчиков. Хозяин, его брат, жена-курица, старший и средний сын – совер-

шеннолетние наглые подонки, лишённые всяких человеческих чувств и утратившие моральный облик в столь раннем возрасте.

Иван не тронул только младенца. Его разум, который функционировал последний час гораздо лучше обычного, подсказывал, что логично избавиться ото всех. Малыш может вырасти. Узнает, что произошло. Начнет мстить за маму и папу. Тем более гены. С вероятностью 99 % станет таким же подонком, как и все его родственники.

Но что-то человеческое подсказывало Ивану, что есть маленький шанс другого исхода. Что-то, во что надо верить, хоть это и противоречило логике.

Выйдя из дома, Иван чуть не столкнулся носом к носу с двумя странными субъектами, одетыми в причудливые черные латексные костюмы.

Они смотрели на него, разглядывая с интересом.

Сначала парень на автомате готов был броситься на пришельцев, думая, что это тоже бандиты, но фраза, брошенная одним из них, поставила его в ступор:

– Малец жив? – спросил высокий незнакомец.

– Да, – ответил Ваня, сбитый с толку.

– Зря, – поддакнул второй, – вырастет – много бед наделает. Бабла-то у родителей немелено осталось. Да и родственников еще конченных. Кончать надо было.

Ваня не знал, что ответить.

– Ладно, – вздохнул высокий, – потом обсудим.

Затем он вытянул руку молниеносным движением, и Иван почувствовал, как его опять кусает комар в ту часть правой ноги, которая была оголена ввиду отсутствия штанины.

Спустя секунду парень как подкошенный упал бес сознания.

– Забираем его и уходим, быстро, – приказал высокий низкому.

И пришельцы исчезли в ночи.

6. Continue

По прошествии месяца я, наверное, влился в работу, выполнив массу поручений руководства, которые имели лишь косвенное отношение к моей юридической практике.

Я пытался не думать о законности содеянного, рассчитывая увидеть крупную для меня сумму денег на своем счете посредством смс-сообщения о зачислении заработной платы.

Я работал на мошенников. Возможно, так работает любой бизнес в стране. Важно, что я сейчас работаю на мошенников. Или не важно.

Сколько я отвез документов? Сколько сдал конвертов различным чиновникам? Что в них находилось? Сколько я решил вопросов «с глазу на глаз»?

Кому-то пообещал ремонт на даче. Кому-то – билет на Бали. Главное – что? Результат!

Вот только что это за результат? Искомые моим руководством разрешения или документы? Или же удовлетворенность от работы?

Я как плюнул на себя в свое время, так, похоже, и не поднялся. Чего я хотел? Было ли мне интересно работать?

Поначалу я пытался разобраться в хитросплетениях деятельности холдинга, но не смог: все обширные направления, казалось, никак не были связаны: холдинг пытался запустить свои щупальца во все сферы экономики, получая прибыль ото всех возможных сделок в стране, а потом заработанные средства выводились различными способами за рубеж. Причем все это происходило бессистемно: я оформлял документы в Африку, в Австралию, в Азию, в Америку. Мы даже в Антарктиду на исследовательскую станцию норвежцев что-то поставляли.

При этом вся деятельность регулярно балансировала на грани законности: надо выиграть тендер на поставку бутилированной воды для Министерства обороны, но опыта не хватает? Не беда – «рисуем» договоры и прикладываем документы. Ввозим что-то «особенное» из-за границы? Отлично – поддельываем ГТД. Реализуем товар без сертификации? Поддельываем сертификаты. И так далее.

Когда же нас всех должны были взять за жопу?

Накануне перечисления аванса за отработанный месяц меня вызвали к Олегу Ивановичу.

Мужчина встретил меня, как всегда, жизнерадостный и в хорошем расположении духа:

– Да ну, – присвистнул он, – Петр Виталич, дорогой! Уже месяц как отработали у нас, да? Как вас все устраивает? – и уставился на меня своим прямым, добрым, располагающим взглядом.

Вот что ему ответить? Мол, так и так, занимаюсь всякой уголовщиной, но убежать не могу, потому что не нужен никому, кроме вас? Но выдавил совсем другое:

– Хорошо, – хотя напряжение выдавало обратное.

– Понимаю, – загадочно произнес шеф, – понимаю. Сотрудники, которые с вами работают, отмечают высокий профессионализм и нестандартный подход к решению задач различного плана. На самом деле, многие отмечают, что вопросы вы решаете очень эффективно. Вот только... – он осекся.

– Что? – спросил я внимательно.

– Вопрос-то в чем, собственно, Петр Виталич, – продолжил шеф, – мотивация мне ваша пока не ясна. Вы, может, думаете, что у вас выбора нет? Ну кому, может, нужен полуинвалид без пособия? А тут и зарплата, и «движуха», понимаете?

Я не стал отвечать на эту реплику.

– Это замена мотивации получается, понимаете? Я хотел бы, чтобы вы больше мотивации показывали именно со стороны личных интересов: внести в клад в развитие компании, помочь сотрудникам. Понимаете?

Я все еще молчал, но кивнул.

– Я вот пока такой заинтересованности не вижу... – директор замолчал. – Впрочем, – продолжил он через минуту, – все это проза. За вашу эффективную работу от себя лично к той зарплате, что вам перечислит бухгалтерия, прошу принять премию, – и протянул мне взятый из шкафчика стола конверт.

– Считайте, что вы прошли испытательный срок, – шеф протянул мне руку. Я встал и крепко пожал ее.

– Одно маленькое дело. Даже два, – Олег Иванович сощурил глазки. – Одному нашему заграничному филиалу требуется небольшая сумма средств для реализации одного проекта. Скважину мы копаем в Африке. Проблемы там с водой, хотим помочь, понимаете ли?

Я кивнул, но уже понял, что запахло какой-то авантюрой.

– Но денег нет на счетах, значит, надо кредит взять. Немного совсем – миллионов двадцать...

Я прикинул, что указанная сумма не является большой, но не подпадает под условия упрощенного кредитования – придется потратить месяц на сбор бумажек. Надо напрямь моих подчиненных. Ничего сложного.

– ...Долларов, – закончил шеф.

И тут я подавился слюной. Вот такая сумма уже была фантастична в рамках деятельности холдинга.

– Банк потребует или покупку векселя, или дорогой залог, – прямо ответил я. – И сумма залога должна быть сопоставима с суммой кредита. Насколько я знаю, у организаций холдинга сейчас нет таких свободных активов.

– Ну..., – хитро протянул Олег Иванович, – не совсем. Подумайте. Мы же получили недавно кое-какие активы из Уганды?

Его взгляд был безапелляционен.

Я понял, что спорить бесполезно.

– Срок вам сутки на обдумывание стратегии, – сказал мне шеф и подмигнул.

Когда я вышел из кабинета, моя кровь кипела. Я готов был на всякое – но не на это. Это уже чистая уголовщина. Он предлагал заложить в банк леску. Обычную леску по цене дорогого высокотехнологичного кабеля.

Это мошенничество в чистом виде. Сопряженное со взятками, да еще и не с одной. Надо валить. Я все понимаю, но этого я не понимаю.

Конечно, мне были знакомы такие схемы кредитования, когда под видом топлива в бочках залогом в банке выступала обычная вода из-под крана.

Но это серьезное преступление, для которого необходимы сложная схема реализации и деньги.

Мы должны были вложить деньги не в бизнес, а в преступление, чтобы получить деньги преступным путем. С ума сойти.

– Все в порядке, Петр Виталич? – спросила у меня Катя, секретарь шефа.

Милое молодое лицо девушки не выражало абсолютно никакого беспокойства. Кстати говоря, я вообще не замечал никакого беспокойства на лицах коллег. Даже тех, кто был втянут в личные махинации шефа.

Ребята из службы безопасности, бухгалтерия, плановики, строители и менеджеры – абсолютно все работали без напрягов и, казалось, любили свою работу.

Я же нервничал и очень сильно выбивался из общей массы.

– Все хорошо, Катюш, – собрав волю в кулак, выдавил из себя я и направился в свой кабинетик.

Закрыв за собой дверь, я услышал сигнал телефона, информирующий об смс: аванс пришел. Сто тысяч рублей. Через две недели – зарплата, еще сто пятьдесят.

Мое любопытство пересилило волнение, и я открыл конверт, заботливо убранный во внутренний карман пиджака минутами ранее.

Еще двести. Я заработал четыреста пятьдесят тысяч рублей за этот месяц. Волнение прошло совсем.

– К черту все, – сегодня поужинаю в приличном месте. Это надо отметить.

А пока надо разработать план действий: двадцать мультот баксов банки так просто не дают за моток рыболовной лески.

Все-таки я работал на мошенников. Факт.

7. Execute

Тело Ивана расположилось на объекте, напоминающем больничную койку. Мысли в голове настолько спутались, что невозможно было определить ни время суток, ни местонахождение.

Да и если честно – с трудом припоминалось собственное имя. События, произошедшие ранее, напоминали не более чем странный, затянувшийся, глубокий сон: жизнь в детдоме, работа на железной дороге, рабство и искупление.

Да и важно ли было все это сейчас?

Иван не чувствовал конечностей. Не слышал биения своего сердца и не ощущал работы диафрагмы, качающей воздух в легкие.

Происходило ли это по задумке его новых пленителей или же являлось реакцией организма на какие-то процессы, непонятные уставшему разуму?

И это тоже было не так уж и важно.

Зрение пыталось сфокусироваться, но невозможно найти какую-нибудь точку, объект для концентрации внимания. Все вокруг сливалось в беспорядочный натюрморт красок и образов.

– Это пройдет, – слух не подводил: кто-то, находящийся в непосредственной близости от парня, говорил уверенным и поставленным голосом. Без намека на иронию. – Тело адаптируется. Все в порядке.

И, как бы странно это не звучало, Ваня успокоился.

– Признаться, – продолжил другой насмешливый голос, – мы не проводили еще пертурбацию таким интенсивным способом. У нас даже были сомнения, что положительный эффект возможен. Я, например, восстанавливался целый год после подрыва БТР. А тут прямо бац – пару недель внедрения биокода и – вжух...

Говоривший прервался. Казалось, он смакует каждое слово, пытаясь объяснить Ивану что-то на равных. Возможно, он даже размахивал своими непослушными руками и яростно жестикулировал. Наверное, со стороны это так и выглядело.

– А я и не сомневался, – продолжил первый спокойный и уверенный голос. – В конце концов, идея с биоконями дала положительный эффект. Кто бы мог подумать, что вся та свистопляска, используемая для зарабатывания каких-то денежных средств виртуальным путем через криптовалюты, может действительно принести пользу человечеству?

– Все же, – вступил в разговор третий голос: еще более спокойный и холодный, – я бы не торопился делать такие выводы. Алгоритм надо улучшить. Помощь человечеству может подождать. Мы еще недостаточно готовы.

– Увы, – подтвердил первый голос, – это так.

– Вань, ты слышишь нас? – обратился третий голос к парню. – Все в порядке. Мы ввели тебе сильный антидепрессант, чтобы ты не начал тут все крушить после пробуждения. А то, знаешь ли, бывали случаи...

Голос осекся. Зато слово взял второй, насмешливый:

– Да чего уж там, право? Ну было и было. Кто прошлое помянет – тому глаз вон!

– Так ты и того, – продолжил первый голос, – и выбил глаз мне тогда.

Воцарилось молчание.

– Ну... – замялся насмешливый, – ну, простите, чего уж. Что же мне, провалиться сквозь землю теперь? Что я должен еще сделать? Нет уж, извольте – сами виноваты! – голос заговорил на повышенных тонах, – обколят меня всякими лекарствами, а потом, видите ли, я неуравновешенный. Я, между прочим, вообще на войне бы весь этот гадюшник разнес!

– Какой еще гадюшник? – сурово переспросил первый голос.

– Да так, – насмешливый утратил всю свою спесь, – извините.

– То-то же.

– Короче, Иван, – взял слово третий голос, – сейчас тебе введут лекарство и твои чувства вернуться в норму. Хорошо? Потом продолжим разговор.

Парень почувствовал, как в его вены, утыканные какими-то трубками, начали вливать какую-то жидкость. Через минуту вернулось зрение. Еще через пять Иван ощутил легкое покалывание в конечностях. Он пошевелил пальцами на ногах. На ногах! У него снова были ноги.

Впервые за все это время он осознал, что приобрел давно потерянную часть своего тела. События казались невозможными, или нереальными. Скорее всего, это просто сон. Или нет?

Собравшись с силами, Иван резко поднялся, развернулся на заднице и, свесив ноги, уселся на койке, пристально разглядывая своих новых знакомых.

– Rise and shine, Riddick, – мягко произнес первый голос. Мужчина был высокого роста. Крепко сложен. Лицо его было лишено изъязнов – состоящее из прямых линий, представляло собой невозмутимую маску повидавшего жизнь человека. Такой мог в одиночку убить сто человек и не вспотеть.

Второй, которого Ваня определил владельцем насмешливого голоса, тоже не был робкого десятка: низкий, коренастый, накаченный. Лицо более круглое, даже, возможно, доброе. От него не исходило той опасности, которую излучал первый, но тем не менее внутренний голос предлагал не делать глупостей.

Третий был вовсе не похож на двоих предыдущих: среднего роста, обычного телосложения. Какой-то клерк. Все в нем было довольно обыденно, кроме одной детали – глаз. Глаза сразу располагали к себе. Казалось, что они смотрели прямо в душу, видели каждый изъян, но не ругали. Ни в коем случае – нет. Наоборот, предлагали помощь. А Ивану нужна была помощь. И он был тут самый главный. Каким-то образом это ощущалось.

– Как чувствуешь себя? – спросил третий.

– Хорошо, – произнес паренек, дрыгая ногами, наслаждаясь этими движениями.

– Я смотрел отчет наших ребят, – третий кивнул в сторону своих коллег, – ты не тронул ребенка.

– Да, – Иван тут же восстановил картину событий той странной ночи. Мысли более не путались. Поражали ясность и скорость ума, как будто кто-то вытащил старую оперативную память и вставил новую в черепную коробку.

– Почему? – в вопросе не было никакой враждебности, только любопытство.

– Он не сделал ничего плохого, – пожал плечами парень.

– Милосердие – это очень важно, Иван, – сказал незнакомец и замолчал.

Какое-то время он рассматривал Ваню, после чего продолжил разговор:

– Что будешь делать дальше? – вопрос поставил парня в тупик. Что он мог делать? Встать и уйти?

– Я могу встать и уйти? – Иван задал вопрос в лоб.

– Конечно, – уверенно ответил незнакомец. Его коллеги переглянулись за спиной. – Но вот в чем вопрос: зачем?

– А зачем вы это со мной сделали? – пора банковать по-крупному.

– Помочь тебе.

– Вот так просто? – за годы скитаний Ваня просто не верил в бескорыстную помощь.

– Да, – кивнул незнакомец.

– Тогда я пойду? – неуверенно переспросил Иван.

– Иди, – развел руки в стороны мужчина.

Наступила минутная пауза, и незнакомец взял слово:

– Что ты будешь делать на улице?

– Не знаю, – пожал плечами паренек, – работу найду.

– На железной дороге? – сарказма из уст незнакомца не слышалось, только суровая правда. – Образования у тебя нет. Жилья тоже нет. Да даже документов нет. Мы, кстати, нашли папку с твоими бумагами в том доме. Можем отдать?

Ваня сглотнул слюну: конечно, что он будет делать на улице без документов?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.